

История тюремного дела

Уголовно-исполнительной системе России - 130 лет.

Первая "тюрьма" в остроге Иркутском

Есть все основания полагать, что история возникновения в Иркутске тюрьмы берёт начало от самых первых лет существования острога. Когда в 1670 году государев человек Андрей Барнышев задумал расширить поселение, основанное 9 лет назад, острог Иркутский представлял собой весьма небольшую обжитую территорию, огороженную укрепительным валом. В тот год построили воеводский двор, хлебные амбары, деревянную церковь.

Среди прочих строений появилось в остроге и затворное помещение. Сюда запирали заложников, которых потом обменивали на ясак - выкуп. В те же годы появилась острожная подземная темница.

Скорее всего, затворные помещения редко пустовали. Тем самым порождая всевластие "имущих людей", наводняя поселение страшными слухами, которые уже не могли удерживаться в границах одних городских стен. Проблемы лихоимства и притеснения ясачных людей в Сибири по-своему аукнулись в специальном царском указе 1695 года. Он запрещал "посольским людям, и воеводам, и всяким чиновникам носить богатое платье, поскольку, как стало известно на Москве, служилые люди в Сибири одеваются в бархатные, парчовые, золотом и серебром перетканые платья, в каких при дворах ходят только первые люди, да и то только по праздникам".

С освоением края и становлением Иркутска как торгово-административного центра в Восточную Сибирь хлынули потоки ссыльных. Необходимость регулировать их передвижение потребовала строительства в городе вполне "самодостаточного тюремного острога". Такое здание появилось в Иркутске в середине XVIII века на окраине города недалеко от Ангары. Первая иркутская тюрьма, имея "многое число комнат", являла собой самое большое деревянное здание в городе.

Для прокормления колодников из казны не выделялось никаких средств. Обязанность содержать их государство возложило "на людей, приведших их, и на их хозяев". Отбывалась же такая обязанность из рук вон плохо. Правительство вынуждено было даже "дозволять арестантам снискивать себе пропитание милостынею".

Скудность средств, поступавших на содержание тюремных дворов, порождала ещё одну проблему. В 1767 году князь Вяземский доносил, что в некоторых тюрьмах, приближенных к Москве, "теснота превеликая, крыши ветхи и грозят обрушиться".

Не лучше обстояли дела в других городах. В Иркутске особенно остро стоял вопрос о том, как прокормить ссыльных. Городской голова Михаил Сибиряков, пользуясь именем Думы, обратился в 1793 году к губернатору с такой резолюцией: "Умножившийся в городе сорт ссыльных, следующих или к поселению, или к отсылке в казённые работы... эти люди требуют, как и настоящие жители, подвозимого из селений в рынок пропитания". И далее: от ссыльных "кроме опасности жителям в рассуждении побегов и воровства, часто бываемого, не видно пользы".

Изложенные на бумаге серьёзные выводы городского головы упали на весьма благодатную почву. И уже через шесть лет в Иркутске открылся Рабочий дом для знавших ремёсла арестантов.

В 1803 году практически рядом с Рабочим домом была построена первая каменная тюрьма. Она простояла до середины века, когда было принято решение построить на её месте новое здание. Ставшую тесной старую тюрьму разрушили и окончательно снесли. Арестантов перевели в помещения, приспособленные под временную тюрьму: в здания Иркутского приказа общественного призрения, суконной фабрики, помещения при городской управе и земском суде.

Новое здание иркутской тюрьмы ввели в действие в 1861 году. Летопись упоминает, что "из казённых каменных зданий самое красивое, по странной игре случая, была тюрьма, или, как называли в Иркутске, острог. На главный фас его выходила церковь во имя Св. Бориса и Глеба, куда заключённые каждое воскресенье приходили слушать божественную службу. Острог стоял за городом, в местоположении весьма живописном".

Ревизия мест заключения

Иркутская тюрьма была крупнейшей в стране. И при этом она всегда была переполнена. При наличии 700 общих мест и 11 одиночных камер усреднённый однодневный состав заключённых обычно превышал 900 человек, а наивысший однодневный состав иной раз доходил до 2000 арестантов.

Следует заметить, что в то время в российских тюрьмах практически не было никаких попыток ввести какие-либо работы для арестантов. В значительной мере использование арестантского труда происходило лишь по случаю. Только когда при МВД в 1879 году было организовано Главное тюремное управление, появились первые циркуляры, в которых предпринимались попытки как-то упорядочить весьма разрозненное применение арестантских умений в городах и весях большой империи.

Один из таких циркуляров вышел 21 августа 1879 года. В нём обобщался опыт некоторых тюремных замков, где было "обращено внимание на разведение собственных огородов". Такие работы "в значительной мере служат к увеличению средств тюремных замков", решая проблему не только "получать собственные овощи на удовлетворение необходимых потребностей по продовольствию арестантов", но даже иметь избытки для продажи.

Здесь же отмечалась польза от мастерских при тюрьмах, поскольку "в некоторых тюрьмах одежда, бельё, обувь производятся обыкновенно через арестантов". В связи с изложенным в циркуляре предлагалось собрать по всем российским тюрьмам сведения, касающиеся работ, на которых задействуются их обитатели, - с целью изучения опыта и его дальнейшей пропаганды во всех местах лишения свободы.

Когда соответствующее распоряжение поступило в Иркутск, местному тюремному начальству явно было чем похвалиться. Арестантский Рабочий дом существовал в городе ещё с 1799 года. Тем самым иркутское тюремное начальство могло смело доложить о своей неусыпной заботе об арестантах. Получалось, что в этом смысле Иркутск опередил всю Россию, ещё век назад озаботившись потребностью занимать колодников какой-либо работой. Причём не только "себе на пропитание, но и во благо знатных мест города". В начале XIX века губернский город Иркутск стремительно разрастался - в том числе и за счёт использования арестантской рабочей силы.

Однако обитатели тюрьмы не только строили Иркутск. В историю им волей тогдашнего губернского начальства пришлось войти как первым... пожарным командам города. В начале XIX века распоряжением генерал-губернатора Н.И. Трескина предписывалось провести срочную перепланировку города с учётом пожарной безопасности. Специальные команды, состоявшие из уголовников - арестантов местной тюрьмы, ломали дома, которые не вписывались в свод пожарных правил. А кроме того, отпиливали по линиям улиц те дома, что стояли в нарушение противопожарных разрывов между строениями.

Труд заключённых иркутской тюрьмы использовался для самых разных нужд города. В 1900-х годах, когда в Иркутске решили поставить памятник Александру III, арестанты местной тюрьмы подняли на несколько метров берег Ангары, вершивший улице Большую. Бывший пологим склон был засыпан тоннами земли.

На содержание заключённых государство по-прежнему отпускало весьма скромные средства. Из вещевого довольствия каждому арестанту иркутской тюрьмы полагались на полгода одна рубаха и на год один халат. В такой одежде заключённые находились целые сутки, не имея сменного белья.

В отчёте медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1884 год иркутская тюрьма попала в число тех тюрем, помещения в которых "наименее отвечают гигиеническим требованиям... очень малы и не могут вместить наличного числа арестантов, лишены вентиляции и отхожих мест".

Назначенный в 1885 году в должность генерал-губернатора граф Игнатъев, посетив местный тюремный замок, нашёл его "грязным и переполненным, воздух невыносимым, вообще всё в самом непривлекательном виде". После этого посещения он первым делом распорядился предоставить городу 100 арестантов для ремонта иркутских мостовых. Часть доходов от арестантских работ должна была пойти в пользу тюрьмы, другая часть - в казну. Заключённым тоже должны были выдать часть средств - 4/10 от суммы доходов.

Ещё в более худшем состоянии находилась в городе другая тюрьма - пересыльная. Один из современников писал: "С первого же взгляда было видно, что тюрьма содержится крайне скверно. Палисад, окружавший тюремный двор, стал разваливаться, в некоторых местах колья совсем сгнили; во многих окнах не доставало стёкол, а отверстия были заткнуты тряпками и старыми рогожами". В камерах "голые нары, отсутствие постельного белья, одеял и подушек", иногда замечались "грязные ситцевые одеяла, сшитые из лоскутов".

Одним словом, хвалиться в иркутских тюрьмах было нечем. Однако на критику в свой адрес тюремное начальство держалось стойко, оставаясь при мнении, что здания содержатся в "хорошем состоянии". Один из аргументов звучал так: "Санитарные условия, в которых находятся иркутские тюрьмы, благоприятнее, чем во многих частных домах в Иркутске".

Тюремному начальству было от чего сохранять спокойствие. Иркутские тюрьмы оказались не хуже и не лучше других тюрем в стране. Это показала ревизия, проведённая шестью годами раньше инспекторами новоиспечённого Главного тюремного управления. Впрочем, масштабная проверка всех мест заключения в стране показала, что положение дел в Иркутске было всё же лучше, чем в других городах. Что же вскрыла прошедшая ревизия?

Большинство мест заключения, как писали в последующих отчётах, представляли собой самую безотрадную картину. Один из документов свидетельствует: "В течение десятков лет в ожидании тюремной реформы правительство отпускало самые ничтожные средства на поддержание тюремных зданий и не производило почти никаких новых тюремных построек. Переполнение тюрем арестантами достигало ужасающих размеров, следствием чего была усиленная болезненность и смертность и во многих случаях совершенная невозможность разместить арестантов по категориям согласно требованиям закона".

Открылись и другие факты, шокировавшие благонамеренную публику. По городам и весям пересказывался случай, приключившийся во время проверки в одной из уездных тюрем. Инспектор Главного тюремного управления, войдя в камеру и не найдя надзирателя, спросил арестантов, куда тот подевался. На что кто-то из последних громко крикнул: "Надзиратель!". С одной из лавок поднялся человек с небритой физиономией, всклокоченными волосами, одетый в арестантский халат с бубновым тузом на спине и вооружённый шашкою. На вопрос удивлённого инспектора, сколько он получает содержания, надзиратель ответил: 8 рублей в месяц на своих харчах и одежде.

Реальные порядки в местах заключения наводил так называемый союз "воровских людей" - арестантская община, которая вступала "то в молчаливый, то в открытый договор с тюремным начальством". В ответ администрация тюрьмы "гарантировала невмешательство в дела общины и обязывалась смотреть сквозь пальцы на такие явления, как пьянство, карточная игра, разного рода торговля, сношения с внешним миром".

Тюремная реформа 1879 года основательно встряхнула пенитенциарную систему. Были учреждены новые должности - начальников тюрем. Надзирателей тоже приняли на государственную службу как "нижних служащих". Был предусмотрен ряд льгот при условии беспорочной службы.

Произошли изменения и в организации тюремной жизни. Арестантов стали привлекать на казённые работы, установив размеры вознаграждения за труд. Стала решаться проблема с одеждой, которую арестанты теперь шили сами. Чтобы сэкономить средства на закупку сукна, Главное тюремное управление приобретало его оптом у крупных фабрикантов. Холст для белья производили тюремные мастерские.

По этапу в централ

В последней четверти XIX столетия стали создаваться новые крупные тюрьмы - централы. Само понятие о централе было введено в судебную практику Положением "По вопросу о будущей организации каторжных работ и временном распределении каторжных", утверждённым Александром II в 1869 году. В исполнение этого документа в 1873 году под Иркутском, в 80 верстах от города, была учреждена Александровская центральная каторжная тюрьма. Под главный корпус тюрьмы отвели двухэтажное здание бывшего винокуренного завода. Когда в 1890 году в тюрьме произошёл большой пожар, на территории учреждения появился целый комплекс новых каменных строений. Сама территория тоже значительно расширилась. И теперь своим общим видом она походила на достаточно большое поселение.

Что же представляла собой новая тюрьма? Кроме главного двухэтажного корпуса, в состав тюремного посёлка теперь входили каменный православный храм, больница, семейные бараки для жён и детей каторжан, а также здание школы-приюта.

В пять часов по тюрьме объявлялся подъём, в шесть - перекличка, в 12 - обед, в 21 час - отбой. Общий уклад

жизни в центре во многом дублировал сложившуюся практику содержания арестантов в других тюрьмах страны. В 1890 году Главное тюремное управление подготовило "Устав о содержащихся под стражей", оставшийся для всех мест заключения основным документом вплоть до 1917 года. В то же время в течение всего этого периода издавались оперативные циркулярные отношения, не один раз корректировавшие эти правила.

В 1895 году Главное тюремное управление передали из МВД в Минюст. Министр юстиции статс-секретарь Муравьев не преминул лично посетить Иркутскую губернию - вотчину крупнейших тюрем России. Для местного тюремного начальства такой визит стал главным событием года. Вот что сообщалось по этому поводу в "Отчёте иркутского губернского тюремного инспектора" за 1897 год под заголовком "Выдающиеся события": "К числу таковых следует отнести посещение господином министром юстиции в отчётном году 29 июня Александровской центральной каторжной тюрьмы и других принадлежащих к ней учреждений и 3 июля - Иркутского тюремного замка". Обе тюрьмы произвели на высокого чиновника "чрезвычайное впечатление полную целесообразностью и умелостью всего устройства и всех делаемых распоряжений".

Администрацией Александровской тюрьмы принимались самые энергичные меры к расширению арестантских работ. Заключённых использовали как наёмную рабочую силу на Иркутском и Усть-Кутском солеваренных заводах, а также Николаевском железодельном. Зарплату арестанты получали наравне с вольными рабочими. Кроме того, заключённые централи шили арестантскую одежду и обувь для всех мест заключения Иркутской губернии и Якутии.

Из каторжан формировались специальные рабочие команды для строительства Транссибирской магистрали. В архивных документах упоминается, что заключённых размещали "во временных бревенчатых бараках с решётками в окнах". Рядом с бараками строились вышки для охранников. При всех рабочих арестантских командах существовали артельные лавки, где продавались "самые необходимые дозволенные предметы": хлеб, сахар, колбаса, почтовые марки, бумага. Этими лавками пользовались не только арестанты, но и чины администрации и надзора.

Особенно трудные условия были на строительстве Кругобайкальского участка железной дороги. Как писали в тюремных отчётах, все работы приходилось выполнять "на скальном грунте, трудно поддающемся даже крепким киркам и кайлам".

При Александровском центре была сельскохозяйственная ферма, где тоже использовали арестантов. Ферма являлась в своём роде опытным хозяйством, в котором весь ход работ находился под контролем Главного тюремного управления. Заведовал фермой один из помощников смотрителя централи. При нём было 6 надзирателей. Заключённые занимались разведением скота и птицы.

В самой тюрьме было несколько мастерских, где каторжане занимались пошивом одежды и постельных принадлежностей, а также делали мебель. В 1911 году тюрьма получила большой заказ управления Забайкальской железной дороги на пошив матрацев для вагонов. В том же году в тюремной столярной мастерской выполнили заказ иркутского городского самоуправления на изготовление мебели для учебных заведений.

Большие объёмы производства требовали и больших площадей под мастерские. С этой целью тюремная администрация пожертвовала двумя этажами правого крыла здания тюрьмы. Однако все мастерские разместить в камерах не удалось, поэтому часть оборудования оставили прямо в коридорах. В камерах были сапожная, слесарная, кузнечная, портняжная, переплётная мастерские. В коридоре второго этажа установили 170 швейных машин.

Персонал тюрьмы проводил с заключёнными воспитательную работу. С этой целью в отдельном здании устроили читальню-чайную. Она была открыта с 8 часов утра до вечерней поверки. Здесь регулярно собирались каторжные, с которыми проводились беседы "о вреде и порочности преступной жизни". Особое внимание администрация уделяла дисциплинарным взысканиям к заключённым, считая это "одним из важнейших мероприятий тюремной дисциплины". В качестве таких взысканий применялось одиночное заключение от одного до восьми дней, лишение платных работ, исключение из мастерских, перевод в камеры для неисправимых.

Несмотря на такие достаточно жёсткие меры, в тюрьме время от времени совершались нарушения правил внутреннего распорядка. В тюремных отчётах тех лет писали: "Заключённые допускают опоздание на поверку, дерзость надзирателям, неповиновение, попытки к побегу, кражи у других заключённых, пронос водки в тюрьму".

Одной из воспитательных мер было предоставление некоторым арестантам обязанностей караульных при казённых домах и тюремном имуществе. Подобные обязанности вменялись арестантам "хорошего поведения и трезвым". Кроме того, заключённые выполняли обязанности обслуживающего персонала при больнице.

В начале XX века по тюрьмам прокатились волнения. Затронули они и Александровский централ, куда весной 1902 года прибыла большая партия политических ссыльных. В мае в тюрьме поднялось восстание. Несколько дней власть в тюрьме была в руках заключённых. Вскоре администрации удалось убедить бунтовщиков разобрать баррикады, открыть ворота. Главное тюремное управление издало циркулярное отношение, где признавалось, что "в настоящие дни общей смуты и беспорядков, при существующем почти повсюду переполнении тюремных учреждений и крайне повышенном настроении арестантов, служба чинов тюремного ведомства представляется особенно трудною". Так продолжалось до 1910 года, когда обстановка в обществе наконец-то нормализовалась.

Осенью 1910 года при Александровской центральной каторжной тюрьме была открыта специальная мастерская по изготовлению художественных изделий - картин, шкатулок, письменных приборов. Мастерство тюремных умельцев было настолько высоким, что им поручали расписывать даже... открытки. Изделия арестантов пускали на продажу. С этой целью администрация тюрьмы заключила договор с одним из магазинов в Иркутске. Для поделок тюремных мастеров в магазине отвели целый стенд-прилавок. По воспоминаниям современников, оригинальные поделки пользовались у иркутян постоянным спросом.

В Иркутск возили на реализацию и швейные изделия, выпускавшиеся в стенах тюрьмы. Однако с расширением производства в центре сразу же столкнулись с проблемой доставки готовой продукции в торговые точки. При тюрьме содержался специальный обоз, доставлявший товары в Иркутск. Когда поступали срочные заказы, обоз уже не справлялся со своей задачей, и тогда приходилось нанимать частных извозчиков с достаточно высокой платой - от 18 до 25 копеек за пуд. Неудобства, связанные с гужевой доставкой товаров, послужили основанием для возбуждения в 1912 году ходатайства о приобретении для тюрьмы грузового автомобиля.

Свисток для надзирателя

После Октябрьской революции в Приангарье было четыре тюремных учреждения: тюрьма № 1 в Иркутске (бывший тюремный замок), тюрьма № 2 в Тулуне (построена в 1925 году), тюрьма № 3 в Киренске (бывший тюремный замок) и Александровская тюрьма № 5 (бывшая центральная каторжная тюрьма).

Как в былые времена, тюрьмы Восточной Сибири не пустовали. Вопросам содержания заключённых уделялось достаточно много внимания на всевозможных съездах, пленумах и обычных совещаниях. Так, на втором Всероссийском съезде работников пенитенциарного дела, состоявшемся в конце 1924 года в Москве, делегат от Приангарья докладывал об особом положении Александровской тюрьмы: "...здесь специальное назначение содержать наиболее закоренелых и опасных преступников, присылаемых со всех концов Республики".

Поэтому понятно, что положение дел в тюрьмах было на постоянном контроле не только центральных, но и местных властей. Уже в первые годы Советской власти при иркутской тюрьме была открыта махорочная фабрика, где работали заключённые. Кроме этого, на территории тюрьмы был небольшой кирпичный завод, а также цех по выпуску извёстки. В довершение ко всему тюрьма имела свой сельскохозяйственный участок, на котором работали бесконвойные. Участок располагался за городом. Здесь выращивали зерновые культуры и картофель, а также занимались пчеловодством.

В эти же годы при Александровской тюрьме построили кожевенный завод. Доставшиеся от прежних времен сельскохозяйственные угодья тоже не пустовали. Каждый сезон здесь работали сотни заключённых.

Впрочем, общий уклад жизни в этих специфических учреждениях соответствовал всем приметам времени. Вплоть до середины 50-х годов в тюрьмах Иркутской области главным средством передвижения оставался гужевой транспорт. Однако нередко своих лошадей не хватало, и тогда приходилось арендовать их. В приказе № 29 от 29 июня 1950 года начальник Киренской тюрьмы лейтенант Базенков распорядился: "Сего числа с 12 часов дня поставить на довольствие одну лошадь, взятую в лесоконторе для перевозки пиломатериала и леса. Финчасти выписывать фураж. С 17.00 с довольствия снять".

К животным предписывалось относиться бережно: за "неуважительное" отношение к ним могли наказать в административном порядке. В январе 1943 года начальник Киренской тюрьмы распорядился: "За халатное отношение к лошади, выразившееся в том, что 26 января 1943 года в четыре часа дня привязал на выстойку

лошадь и забыл про таковую, которая простояла на привязи восемь часов, то есть до двенадцати часов, пожарнику тюрьмы Вахову объявляю выговор. Начальник тюрьмы № 3 УНКВД младший лейтенант госбезопасности Парчагин".

В Тулунской тюрьме гараж построили только в 40-х годах. Одновременно с ним существовала конюшня (построенная в 1925 году). В 50-х годах весь транспортный парк тюрьмы состоял из двух автомобилей (кузовной ЗИС-50 и автозак ГАЗ-51) и семи лошадей с тремя телегами, тремя фургонами, восемью рабочими санями.

В годы Отечественной войны многие сотрудники тюремных учреждений уходили добровольцами на фронт. Количество заявлений было таким большим, что в повестке дня оказался вопрос о сохранении кадров: надзорсостав в тюремных учреждениях из месяца в месяц буквально таял... В тюремном отделе УНКВД Иркутской области в октябре 1941 года подготовили и разослали на места специальное циркулярное распоряжение № 20/1144, запрещавшее подавать заявления о зачислении в действующую армию. Когда это распоряжение поступило в тюрьму № 3, её начальник подписал приказ по тюрьме за № 55: "...Категорически запрещаю личному составу подавать заявления на имя военкоматов помимо командования тюрьмы о зачислении добровольцами в действующую армию. Подача таких заявлений возможна только чрез командование тюрьмы".

Но время уже было упущено, сотрудников-мужчин не хватало, поэтому службу в тюрьмах пришлось нести женщинам. По архивным документам, на подотчёте ХОЗО при складе тюрьмы № 2 среди наименований форменной одежды были "чулки женские, трико (рейтузы), женские береты". Каждая сотрудница обязана была, выходя на смену, иметь при себе свисток - на случай нештатной ситуации.

В тюрьме имелась библиотека, в которой помимо прочих книг было 50 томов Ленина, восемь - Сталина и три книги Мао Цзэдуна. На всю тюрьму был один сейф, две пишущие машинки (в административном корпусе) и пять чернилниц (четыре в административном корпусе и одна в санчасти). Приказы по тюрьме были рукописными, а документы для отправки в вышестоящие инстанции оформлялись в печатном виде. Так было по всем тюремным учреждениям.

Время от времени в тюрьмах вскрывали недостатки и боролись с ними. 29 июля 1944 года по тюрьме № 3 был издан приказ № 25 "Об изжитии ненормальностей по выдаче питания заключённым", в котором говорилось: "За последнее время участились случаи жалоб заключённых на неполное удовлетворение положенной продовольственной нормой, а именно: неполная закладка в чай положенного по норме сахара, недовес хлеба, мотивированный тем, что к хлебным пайкам не бывает никогда привесов, неравное распределение супа и иногда жидкость последнего". Во избежание подобных жалоб начальник тюрьмы Кабаков предписал дежурным по тюрьме лично присутствовать при закладке продуктов в котлы.

В одном из приказов по тюрьме № 3, датированном декабрём 1944 года, сообщалось, что "бухгалтером тюрьмы при перевозке картофеля с подсобного хозяйства тюрьмы самовольно увезено к себе на квартиру восемь кулей картофеля весом четыреста килограмм". За такой проступок было решено взыскать с него "по государственной продажной цене в пятикратном размере всего одну тысячу шестьсот рублей".

В другой раз провинился заведующий складом. 22 декабря 1944 года он подал рапорт о дополнительном отпуске ему дров в количестве шести кубометров. Просьбу удовлетворили, дрова он получил, но повёз не к себе, а продал "соседке по спекулятивным ценам". Когда афера вскрылась, начальник тюрьмы распорядился взыскать с виновного денежную сумму в пятикратном размере от стоимости отпущенных дров.

В 1946 году в тюрьме Тулуна было 275 заключённых, в 1950 году - 310, в 1955 году - 250 при лимите в 300 мест. Заключённые работали в сапожной, столярной, швейной, слесарно-кузнечной мастерских при тюрьме. За городом, на удалении в 11 километров, у тюрьмы были собственные посевные площади размером 4 гектара, а в 15 километрах - лесоразработки. В 1949 году 98 заключённых работали в подсобном хозяйстве и 31 - в мастерских.

В урожайные годы в тюрьме сталкивались с проблемой: что делать с излишками овощей, полученных с подсобного хозяйства? В таких случаях создавались специальные комиссии, решавшие участь не предвиденных планом излишков. Одна из комиссий, созданных в конце 40-х годов, в своей резолюции решительно распорядилась: "Организовать сушку излишествующего количества моркови, использовав для этого имеющиеся сушилки и чердачные помещения с железными крышами".

Озерлаг как зеркало тюремной системы

В середине 1930-х годов в Иркутской области появился принципиально новый тип пенитенциарных учреждений - исправительно-трудовые лагеря. Они были созданы сразу в нескольких районах области: Тайшетском, Братском, Нижнеилимском, Усть-Кутском, Усольском. Каждое такое учреждение представляло собой лагерьный комплекс, куда входили лагпункты и лаготделения.

Число осуждённых в таких лагерях достигало нескольких тысяч. Их активно задействовали на различных работах, имевших народнохозяйственное значение: строительстве железной дороги, разработке угольных карьеров, лесозаготовках, строительстве жилья. Поэтому неудивительно, что на должности начальников лагерей назначали в первую очередь как на должности хозяйственных руководителей. В министерских приказах так и писали: "Назначить начальником строительства (имярек), он же - начальник лагеря".

В 1940-х годах появились лагеря на территории Бодайбинского, Черемховского, Зиминского районов. Кроме того, в Приангарье существовали Балаганская и Усть-Ордынская сельскохозяйственные исправительно-трудовые колонии. Однако особенную известность суждено было получить Озёрному лагерю на территории Тайшетского района.

Озерлаг был создан в конце 1949 года. Заключённые строили железную дорогу от Тайшета до Усть-Кута. Перед строителями в арестантских робах была поставлена непростая задача: уложить железнодорожный путь длиной более 700 километров. По архивным данным, в Озерлаге содержалось до 40 тысяч заключённых. В отличие от других исправительных учреждений, здесь отбывали срок только осуждённые по 58-й, "политической", статье. Вследствие чего лагерь именовался особым.

В 6.00 был подъём, в 7.00 - завтрак, в 8.00 - начало работ. Оканчивался рабочий день в 18.00. Вечерняя проверка - в 22.30, отбой - в 23.00.

Заключённые жили в бараках с решётками на окнах. Ночью двери запирались на замок. Зимой такой барак отапливался железной печью. Все заключённые были... пронумерованы. По свидетельствам очевидцев, "на куртке - на груди и спине, а также на подоле платья или на брюках, чуть выше колена, - номера", которые рисовались "чёрной краской на кусочке белого материала".

От результатов работы зависело питание заключённых. Если недовыполнил норму - получал 800 граммов хлеба на день, выполнил план - выдавался килограмм, а перевыполнил - получал кило двести. Кроме того, за ударный труд полагалось так называемое премиальное вознаграждение. Одна часть этих денег уходила в общую копилку - лагерьный фонд. Деньги из фонда шли на благоустройство лагерьной территории и содержание осуждённых. Другая часть заработанных средств поступала на личные счета заключённых. При каждом лагпункте были ларьки, где продавали хлеб, конфеты, папиросы. Заключённые могли всё это покупать, снимая деньги с личных счетов.

Отбывавшие срок имели право на высказывание претензий в адрес администрации исправительного учреждения. Порядок подачи подобных жалоб носил вполне демократичный характер. На каждом лагпункте вывешивалось по три почтовых ящика. В первый бросали письма, адресованные родным и близким, во второй - жалобы, предназначенные для прочтения в лагерьном управлении, а в третий ящик - письма в различные высшие инстанции.

С Озерлагом связаны судьбы многих известных людей, которых судили по пресловутой 58-й статье и ссылали в Сибирь. Администрация лагпунктов поощряла развитие художественной самодеятельности, в которой участвовали бывшие артисты, музыканты, певцы, танцоры. На лагерьных подмостках звучали оперетты Кальмана и Штрауса, ставились пьесы из русской классики. При лагерьных пунктах создавались творческие кружки поэтов, музыкантов, философов.

В начале 1950-х годов в Озёрном лагере создали так называемую центральную культбригаду, которая выезжала с концертами на лагпункты. План выступлений тщательно согласовывался с администрацией. Каждая программа включала в себя как театрализованные, так и вокальные номера. По времени такие концерты были рассчитаны на два-три часа.

Волей судьбы провела в Озерлаге около года певица Лидия Русланова. Она тоже входила в культбригаду. В воспоминаниях очевидцев сохранились подробности этого трагического периода жизни певицы. "...Она вышла на сцену, зал замер. Огромная столовая была забита так, что яблоку было негде упасть. В передних рядах сидело лагерьное начальство... На ней было чёрное платье, на плечах чёрно-белая пелерина. Когда кончилась первая песня, потрясённый зал молчал, не раздавалось ни одного хлопка. Затем она спела вторую песню, спела с такой силой, с такой страстью и отчаянием, что зал не выдержал. Первым поднял руки начальник Озерлага и

захлопал. И сразу загремел, застонал от восторга зал".

В числе других заключённых Озёрного лагеря были люди с не менее известными фамилиями: генералы Крюков и Тодорский, дочери атамана Семёнова, жена и дочь Пастернака, жена Бухарина. В лагерной больнице работали настоящие специалисты своего дела - в прошлом заслуженные учёные, в том числе профессора, осуждённые по "политической" статье. Однажды кто-то из них вышел с инициативой создать при больнице медицинский музей. И такой музей был создан. Новые экспонаты появлялись еженедельно, после каждой проведённой операции. Например, удалённый аппендикс помещался в пробирку и заспиртовывался.

Озёрный лагерь вошёл в историю пенитенциарных учреждений Приангарья как самый крупный лагерь с достаточно развитой инфраструктурой. Спецконтингент задействовали не только на строительстве железной дороги, но и в сельском хозяйстве. В число лагерных подразделений входили 6 сельскохозяйственных отделений. Их продукция шла на стол заключённым.

Лагерь просуществовал до начала 1960-х годов, когда по всей стране исправительно-трудовые лагеря были переименованы в ИТК - исправительно-трудовые колонии. В своём роде это было реформирование уголовно-исполнительной системы. Колонии поделили на четыре вида режима: общий, усиленный, строгий и особый. В Иркутской области в те годы насчитывалось до 40 колоний. В основном они дислоцировались вокруг Иркутска и Ангарска, а также в Усольском, Тайшетском, Братском, Усть-Илимском районах.

В новых условиях

Как и в прежние годы, спецконтингент активно привлекали к трудовой повинности. Осуждённые иркутских колоний построили целый ряд крупных объектов областного центра - Ново-Иркутскую ТЭЦ, пожарно-техническое училище, областную больницу, завод по розливу вин. Осуждённые колоний ангарского куста строили городское тепличное хозяйство, птицефабрику, а позднее были этапированы в Байкальск на возведение целлюлозно-бумажного комбината. Речной порт "Осетрово" и аэропорт в Усть-Куте построили тоже осуждённые, а в Зиминском районе силами спецконтингента были возведены объекты Зиминского химического завода.

Производственный потенциал всей уголовно-исполнительной системы в 1970-е - начале 1980-х годов был таков, что она занимала пятое место в стране по объёмам товарной продукции, уступая только оборонным отраслям. Силами осуждённых была возведена значительная часть экономического потенциала Иркутской области. Однако с перестройкой, всколыхнувшей общество, для исправительных учреждений наступили трудные времена. Перемены затронули все отрасли. Приоритеты в развитии экономики стали сводиться к одному - взятому курсу на повсеместное внедрение хозрасчёта и самофинансирование. Бюджетные вливания таяли как лёд, и в колониях столкнулись со старой как мир проблемой: как прокормить осуждённых.

Адаптация исправительных колоний Иркутской области к условиям рыночных отношений растянулась на несколько лет. Когда-то созданные производственные мощности колоний оказывались невостребованными при отсутствии госзаказов. Осуждённые становились безработными, на личные счета которых не поступало ни копейки. Нужно было срочно решать возникшую проблему. В этих непростых условиях стали развиваться контакты с коммерческими структурами. В колониях им сдавались в аренду площади, а всё оборудование, сырьё, комплектующие детали закупали коммерсанты. В 1990-е годы в колониях Приангарья освоили выпуск более тысячи видов изделий.

На продукцию под маркой "Сделано в УК..." появился спрос, она стала конкурентоспособной. За колючей проволокой брались за любую работу: делали мебель, шили спецодежду, выпускали обувь. В эти же годы в исправительных учреждениях научились для собственных нужд выпекать хлеб, делать макароны, изготавливать мыло и даже выращивать табак.

Уголовно-исполнительная система Иркутской области - это вполне современный самодостаточный комплекс с развитой инфраструктурой. Помимо промышленных предприятий, в колониях есть средние школы и ПТУ, клубы и библиотеки, спортзалы и даже... кафе для осуждённых. Большую роль играют общественные формирования осуждённых - советы коллектива колонии, советы коллективов отрядов. В колониях проводятся самые разные мероприятия - от спортивных турниров до концертов художественной самодеятельности.

Автор: Александр Наумов © Восточно-Сибирская правда ИСТОРИЯ, БАЙКАЛ 8809 08.03.2009, 01:45
417

URL: <https://babr24.com/?ADE=51440> Bytes: 34923 / 34833 Версия для печати

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)